

Минеев Р.С.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖ. БОККАЧЧО)

ПРОБЛЕМА

Предположим рассуждению два, на первый взгляд, не связанных между собой вопроса: насколько структурализм продолжает оставаться продуктивной стратегией и насколько возможной представляется идентификация текстов Джованни Боккаччо? Ответы на них зависят, в свою очередь, от постановки и решения вопросов о том, насколько целостным смысловым массивом *представляется* нам эпоха Возрождения и *сохраняется* ли эта целостность при ближайшем рассмотрении. Начнем с ответа на вопрос об идентификации текстов Джованни Боккаччо с попытки дать им общую смысловую характеристику.

Традиционно данные тексты признаются синхронно гомогенными (А.Ф. Лосев, А. Н. Веселовский) с текстами классического гуманизма, *rectori maximi* которого полагается Ф. Петрарка. В соответствии с классификацией А.Ф.Лосева (трудно подвергнуть сомнению значимость его труда «Эстетика Возрождения» для истории исследования этого культурного пласта) Боккаччо неизбежно включается и в диахронную цепь: Платон – Плотин – Псевдо-Дионисий – соответствующее звено возрожденческого дискурса.

(Следует отметить, что Лосев включает в эту цепь *всех вообще*, от Абельяра до Раблэ, не исключая Фому Аквинского). Некоторые итальянские исследователи (Дж. Реале и Д. Антисерри) в отношении Боккаччо более осторожны и не включают его в список гуманистов. Его текст выглядит нетвердым и нервным [4, с. 226], он словно распадается под рукой аналитика на группу дискретных элементов. Относительно «Фьяметты» (1344) и «Ворона» (1361) наблюдается определенная озабоченность исследователей – невозможно установить их единство с какими-либо другими текстами. Впрочем, это и не странно, если учитывать, что поход этих исследователей Фуко охарактеризовал как «типологию блаженного Иеронима» [7, с. 13]. Однако Боккаччо, судя по всему, грешит отсутствием ожидаемого от него теоретического единства, чем и иницирует биографические изыскания следующего свойства: почему он написал Петрарке печально известное письмо 1362 г., кто была донна Фьяметта и т.д.. Но эти изыскания и даже их результаты не дают ответа на основной вопрос – *какой смысл стоит за текстом?* А. Ф. Лосев приписывает Боккаччо нечто вроде недостаточности, или неполного соответствия дискурсу гуманистов. На протяжении всего параграфа о Боккаччо он недвусмысленно дает понять, что Боккаччо имел перед собой определенную задачу – нечто вроде *задания* от «партии» гуманистов – с которой он не справился.

По Лосеву, Боккаччо в "Декамероне" впервые находит и воплощает такое сочетание различных сторон человеческого бытия, что, кажется, он действительно обретает здесь искомое и удовлетворяющее сочетание высоких нравственных порывов и элементарных чувственных запросов человека. Но вместе с тем остается противоречие между стилем и содержанием, которое характерно для ранних произведений Боккаччо, остается его прежняя риторичность. Часто обращая внимание на мелочи, Боккаччо в "Декамероне" забывает общее, – утверждает А. Ф. Лосев. «Забывает» – это слово даже не дано в кавычках, оно указывает на то, что Боккаччо, по мнению исследователя, должен был нечто помнить, нечто держать в памяти, иметь перед собой некую *цель*, о которой он и имел несчастье забыть. «Но этот расчет Боккаччо не оправдывается, да он и принципиально не мог оправдаться» [7, с. 13]. Что это за цель, что за расчет? Она состоит в том, чтобы выразить в тексте некий главный принцип, тезис или идею гуманизма, нечто вроде того, что сформулировал Пико делла Мирандолла, чистейший носитель дискурса гуманизма: «Бог есть все, и в наиболее превосходном и совершенном образе. Этого не было бы, не заключай он в себе совершенства всех вещей до такой степени, что *отвергается всякое несовершенство* (курсив мой (здесь и ниже) – Р. М.), присущее вещам». [8, р.391]. И второй характерный тезис: «Но следует признать, что хотя и причастен человек и к материальному и нематериальному миру, но причастность его материи сказывается в собственном смысле, ибо он весьма далеко отстоит от нематериального; [в то время, как] *о его причастности животным и растениям сказывается не в собственном смысле слова*, но предполагается только, что он их содержит в себе, сам находясь ниже нематериальных сущностей, но и *выше вещей материальных*. Поскольку он не может достигнуть совершенства нематериальных сущностей, людей следует называть не богами, но *святыми или божественными*» [9, р. 49] – [пер. авт.].

Подобная цель, и только она, по мнению Лосева, могла придать тексту Боккаччо смысловое единство. Только в рамках этой цели возможна философия. Отступление от целеполагающего принципа, вычеркнувшее Боккаччо из списка великих гуманистов, Лосев, вслед за Веселовским объясняет так: "...чувство особи, чутье к человеческому, реальному в его соответствии с миром психики и знакомое нам свойство глаза схватывать в предмете не общее, а массу подробностей, которые художник заносит на полотно, одну за одной, в расчете, что их совокупность произведет впечатление целой жизни" [3, с.520]. Патологическая раздробленность феномена в восприятии Боккаччо – вот «эпикриз» А. Ф. Лосева. Дело в том, что для него это суждение Веселовского является фундаментальным, и целостная, законченная картина мира и человека не может состояться при таком деффектном ("де-эффектном") интендировании. Эйдос, который имеет в виду Лосев, является строго фиксированной структурой, максимально сжатой, самодостаточной, чуждой какой бы то ни было дискретности. «Когда же идея оказывается уже вполне раздроблившейся, когда она играет всеми красками реальной жизни, когда она рассыпается перед нами в массе прекрасных частностей, тогда идея перестает уже *узнавать* себя в них, катартического восхождения от частного, раздробленного к целому и высшему, осмысленному единст-

ву не происходит» [4, с. 228].

В противоположность А. Ф. Лосеву, который рассматривает творчество Дж. Боккаччо в контексте эволюции итальянского неоплатонизма и гуманизма, мы предлагаем иное их прочтение. В соответствии с ним, *не смотря на то, что текст Боккаччо представляется дискретным относительно идейно-образного содержания, именно эта дискретность сигнализирует особый тип философии, последовательной и обоснованной, но оппозиционной гуманизму и деструктивной по отношению к философии неоплатонизма.*

КЛЮЧИ И ДВЕРИ

Поскольку орел Юлиев был мертв, оставшись лишь типическим образом некоего когнитивно-мифологического плана, его единоглавую мощь заменила тиара с двумя ключами (герб Ватикана) – своего рода перевернутый бюст орла.

Витторе Бранка не связывает диахронически и синхронически Боккаччо с гуманистами и тем более неоплатонической традицией, а относит его всецело к совершенно иному дискурсу, также находившему место в ту эпоху – дискурсу торговых отношений. Действительно, исходная рукопись «Декамерона» как знаковая система дает основания установить связь с бытовым дискурсом XIV века. Но нельзя вырывать Боккаччо и из контекста ренессансной философии. Система вещей (торговля) и система мысли (философия) – две головы одного орла (*или два ключа одной тиары*). Исследование синхронии со становлением экономического сознания итальянской нации (именно в XIV веке итальянский народ вошел в окончательную стадию формирования нации из этноса) дало непредвиденные и революционные результаты – в полной мере структуралистские. Бранка стал итальянским аналогом Леви-Стросса, его труд занял одно из лидирующих мест в итальянской *национальной* историографии, а, стало быть, и общеевропейской, обеспечив автору бессмертие. Он поднял ключ, один из двух, и этот ключ открыл закусиле *системе вещей*. Однако вторая дверь осталась закрытой вместе со всеми *неразличимыми* тайными голосами и вселенной, скрывающейся за ее створками.

«Я ничего не ищу. Я нахожу» – обычно отвечает Жан Бодрийар, когда его спрашивают о философском поиске. Может быть, и нам следует просто *найти* ключ к *системе мысли* у себя под ногами – ведь ключи имеют свойство валяться на земле?

LE CONTENU ET LA DIFFÉRENCE

Почему герменевтика нуждается в структуралистском преддверии? По той же причине, по какой *деструкция* является необходимой предпосылкой *конструирования*. А именно, по причине темных «исключений», столь нелюбимых всяким ученым. Вопрос берет начало еще с Бэкона: стоит ли игнорировать исключения при дедукции? Бэкон ответил отрицательно, опрокинув этим и Аристотеля, и дедуктивную метафизику. Теперь отметим следующее: почему идейная основа творчества Боккаччо до сих пор не принадлежит никакой классификации? Какой смысл «живет» в его текстах? Классификация по смыслу здесь невозможна, оттого что смысл не могут *различить* в содержании текста. Он *неразличим*, скрыт неким туманом, какой-то околосмысловой «массой», а она каждый раз при подступе исследователя к тексту Боккаччо мистическим образом разрастается и прячет собственный смысл «Декамерона», «Фьяметты», «Жизни Данте». Этот туман то провоцирует фрагментарное восприятия мира Боккаччо (мушиный глаз – приходится с сожалением констатировать, что у Веселовского Боккаччо превращается в муху), то вписывает его в куртуазную традицию (например, Б. И. Пуришев). Он становится «методическим исключением», и его либо исключают (как Реале и Антисерри), либо насильственно подчиняют методу, как Лосев.

Туман, не позволяющий различать, туман со-держания. Tenir¹, Con-tenir², la tenu³, tenir (les sens ?)⁴, reTENIR (quelque chose)⁵. Станный ряд слов, но русские морфемы здесь удивительно эквивалентны французским. *Что* держать? Но главное – ЧТО удерживает? ЧЕМ удерживать? По какому компоненту идентифицируется текст в классической герменевтике? Посредством выявленного и отнесенного к какой-либо типологии смыслового ядра. Благодаря этому ядру Мирандола, Поллициано, Фичино, Помпонати, Эразм Роттердамский и, наконец, Петрарка легко укладываются в рамки историко-философской классификации. Ядро определяет периферию смыслов, становится смыслопорождающей «машиной», будучи, в свою очередь, найдено в континууме текстов как *причина* этого континуума. Концептуально смысловое ядро должно удерживать весь текст, *со-держать* каждое по отдельности и все вместе взятые понятия. А если это ядро себя не обнаруживает? Что если компендиум представляет собою сплошную разорванность?

Теоретическое единство есть ключ к разгадке автора. Но в случае с Боккаччо ключ куда-то делся, потерялся в тумане содержания. Наверное, чтобы найти его под туманным маревом, на земле, придется уменьшиться, повторить путь Алисы. Я имею в виду, что, если единство очевидно отсутствует, то не остается ничего иного, кроме как исследовать *разрывы*. А это означает, что от традиционной герменевтики мы должны обратиться к *структуре* и *анализу*.

СТРУКТУРА

Положим, что источником единства текстов является автор. Это единство не смысловое или личностное (единство компендиума), а лишь классификационное – как подлежащее классификации. Тогда ему может соответствовать некая конституирующая референция, располагающаяся в точке распада пишущего субъекта на функциональные позиции, которые заполняются многообразными классами понятий, представляющих раз-

¹ Держать.(фр.)

² Со – держать (фр.)

³ Держание (фр.)

⁴ Держать смыслы (фр.)

⁵ уДЕРЖИВАТЬ что-л. (фр.)

дробленное и дискретное Эго [6, с. 16]. Если Дж. Боккаччо для дискурса раннего Возрождения – это автор, с трудом поддающийся идентификации, не обнаруживающий очевидной синхронной гомогенности с дискурсивной практикой кватроченто и чинквеченто (Ф.Петрарка, Л. Бруни, П. Браччолини, Л. Б. Альберти, М.Фичино, П. делья Мирандола, П. Помпонаци, А. Поллициано), то тогда текст, помеченный его именем, должен не отвечать структуре ряда означаемых, регулярных в серии текстов данного периода. Поскольку процедура точного выявления ряда означаемых у каждого из указанных авторов представляет предмет отдельного исследования, *то задачей исследования, результаты которого представлены в данной работе, было выявление в тексте смысловой структуры, определенной регулярной серией означающих, снятой с текстового корпуса по правилу внешнего.* Правило внешнего, постулированное М. Фуко [7, с. 56] не позволяет полагать в основании дискурса его ядро, мыслить некое начало, организующее коннотации на протяжении одного или нескольких текстов. Поэтому ряд означаемых, являющихся за лексическими и грамматическими единицами (словами, предложениями, содержательно оформленными фрагментами текста), представляет собой *набор*, но никак не *единство*. В то же время этот ряд поддается методологической систематизации, включает как элементы, так и определенные отношения между этими элементами, позволяет наблюдать определенное *обращение* элементов, находящее место на протяжении *всего* текстового массива, и, следовательно, представляет собой *структуру*⁶.

АНАЛИЗ

В качестве основного объекта в данной статье представлено произведение Дж. Боккаччо «Декамерон». Единицами анализа являются элементы новеллы. Необходимо, чтобы исследуемое содержание позволило задать однозначное правило для надежного фиксирования нужных характеристик (принцип формализации), а также – чтобы интересующие исследователя элементы содержания встречались с достаточной частотой (принцип статистической значимости).

Кодировка: каждой группе означаемых, связанных одним кодом, приписывается понятие, являющееся дешифровкой этого кода. Квантификация: типология референций, относящих различные группы означаемых к какому-либо коду.

Контекстуальные единицы: (слово – предложение) – суждение. Единица анализа : «день» (глава «Декамерона») (100 ед). Единица измерения – новелла («Декамерона»).

Природа исследуемого объекта изначально продиктовала индуктивно – дедуктивный подход: 1) наиболее регулярные референции были выделены из текстового массива; 2) обозначены виды кодирования; 3) затем выявлены тенды, раскрывшие план означения того или иного понятия; 4) установлены классы означаемых; 5) текст еще раз был проверен на наличие означающих; 6) означающие были классифицированы по виду тенда, и распределены соответственно ряду означаемых – понятий (сначала было обнаружено 11 денотативных, затем найдено по одному коннотативному инварианту к каждому понятию, таким образом их число – 22).

Пример. Новелла «Некий монах...» (4, I⁷). «Жил там молодой монах, крепость и пылкость которого ни посты, ни ночные бдения не могли умертвить» – речь идет о *телесной* крепости и пылкости плоти (*крови* – ср. 4, V: «Катерина отпрашивается у матери переночевать на балконе») [...] «Это вам, матушка, так показалось. Примите в соображение, насколько *кровь у девушек горячее*, нежели у пожилых женщин»). Тендом в данном случае является *тело*, кодом которого в рассматриваемых единицах текста выступают предикаты «крепость», «пылкость», а также «кровь», которая характеризуется метонимией «горячая». Означаемым для всей группы единиц является понятие *Тело* (условно оно обозначено нами – «Corpus»).

Далее: «они пришли к *соглашению*, и он неприметно увел ее к себе в келью». Сигнифицируется договор, или сделка. В соответствии с контекстом других новелл означаемое таким или иным образом понятие определено нами как *Обмен*. Некоторые понятия выявляются опосредованно, так, слово *Конкубинат* («Concubinatus») само по себе ни разу не упоминается в тексте, однако, учитывая контекст социальной среды эпохи, на него указывают статусы партнеров личных отношений, означенные в тексте. Так же обстоит дело и с *Адюльтером*. Кроме того, в тексте были обнаружены непосредственные указания на понятия судьбы и случая (в таблице – Fort) и социальной стратификации (Strat).

Дифференциация в контексте. Некоторые означаемые различаются по контексту (историческому, литературному, философскому, религиозному), в рамках которого проводится коннотация сигнифицирующих их предложений или словосочетаний.

Так, два различных понятия любовных отношений: философско– мистического (Amore), и социально– бытового (Concubinat и Adulter) представлены у Боккаччо следующим образом: В новелле I, IV мучения попоранной обществом любви маркируются предсмертными словами апостола Павла (*«течение ты совершило»*)⁸ – это указывает на глубокий духовный характер указанного чувства (Amore), в то время как в новелле 2. IV. «Брат Альберто живо смекнул, что она с *придурью*, и, рассудив, что это для него сущий клад, внезапно и без памяти в нее *влюбился*». Негативная коннотация и витализация номинальной семы «любовь» во втором случае очевидна. *Позитивная и негативная коннотация.* Факт коннотации подтверждается либо непосредственной оценкой, высказанной в тексте, либо ситуацией, в которую полагается данное понятие.

⁶ Обращение элементов и их предположительную связь мы никоим образом не считаем допустимым связывать с так называемым принципом «взаимодополнительности» или понятием «интервальности», которые чужды структурализму по природе, и никогда последним не использовались.

⁷ Первая цифра – номер новеллы, вторая – номер «дня» (главы) «Декамерона».

⁸ Речь идет, как и в новелле 9, IV, о сердце возлюбленного, которое отец посылает дочери в чаше.

Частотность. Подсчитана частота употребления того или иного понятия на протяжении каждой главы («дня»). При этом за единицу употребления принимается сумма упоминания понятия под одним заголовком (одной новеллой) (10 %). Предположим, понятие *Matrimonium* (комплекс традиционных семейных отношений) употребляется на протяжении IX дня под 3 заголовками, а *Обмен* – под 5. В IX дне, таким образом, *Matrimonium* получает 30 %, а *Обмен* – 50 %.

Результаты. Полученные результаты сведены в таблицу.

Таблица. ЛЮБОВЬ ИЛИ СЕМАНТИКА СМЕРТИ?

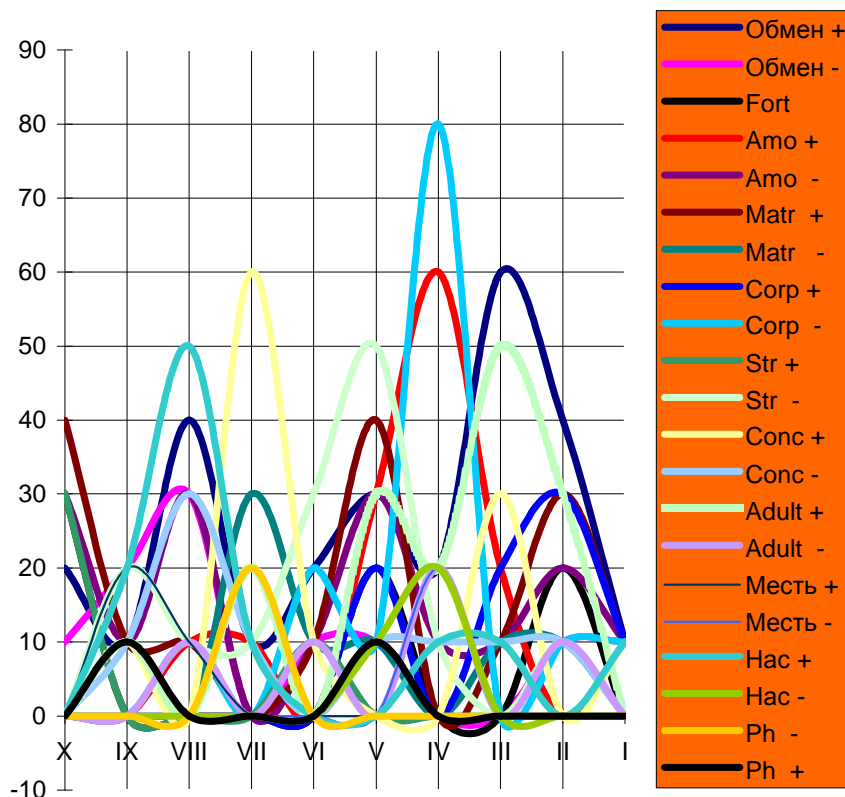

Диаграмма показывает наибольшую интенсивность понятия «Тело» с отрицательной характеристикой – тела разрушающегося, поданного с негативной (эксплицитной или имплицитной) коннотацией – как тело, несущее зло. Второй по значимости фигурой является понятие «Любовь» с положительной характеристикой. Но на местах наибольшей интенсивности этой фигуры она переплетается со «смертью тела». При этом в тексте появляется еще одно понятие – «Сердце» (*cuore*)⁹. Эти три понятия невычленимы и незаметны при обычном, «целостном» подходе и претендуют стать ключом к внутреннему контексту «Декамерона». Рассмотрим внимательнее момент их употребления. В 9, IV, обнаруживаем мрачный *некрофильческий* намек: «Ну, как вам это кушанье?» – спрашивает Россильоне у жены, возлюбленного которой он предательски убил и приготовил в пищу его сердце, преподав «кушанье» жене. «Очень вкусно, даю вам слово», – отвечает она. «Ну и ладно, коли так. Впрочем, ничего удивительного: что вживе было вам дорого, то должно понравиться вам и в виде мертвом».

Сердце – реальное, живое, вырванное из горячей груди, помещают в чашу, растворяют ядом или съедают. Мистико-романтическое понятие возрожденческой любовной поэзии¹⁰ становится действительно материальным и ... ужасает этой материализацией. Нечто подобное происходит с головой (альтернативной сердцу метонимией разума) в 5, IV – её зарывают в цветочный горшок, горькую альтернативу чаши.

«Индивидуальный человек, согласно античным моделям мыслится здесь исключительно материально, природно, естественно и даже просто телесно. Но, согласно средневековым моделям, он мыслит себя уже как

⁹ Итальянское номинативное *cuore* обозначает орган (*a esemp.* – *attacco di cuore*), представляя альтернативу “душе” (*anima*), которая также может заменять “сердце” в качестве второго значения последнего. В свою очередь, *cuore* очень часто в очередь подменяет *anima* (*a esemp.* – *cuore sensibile, di tutto il cuore*), создавая странную игру значений и номинаций, которой Боккаччо постоянно пользуется.

¹⁰ Коль не от сердца песнь идет,

Она не стоит ни гроша,

А сердце песни не сплет,

Любви не зная совершенной. (Бернарт де Вентадорн) [5, с. 5–28].

личность, и притом – постоянно стремящуюся абсолютизировать себя в своем гордом индивидуализме, в своем самостоятельном, ни от кого и ни от чего не зависящем существовании» [4, с. 93]. Самоосвобождение через материю, самовысвобождение вместе с материей – вот как можно охарактеризовать концепцию возрожденческого неоплатонизма. Боккаччо это самовысвобождение осуществляет буквальным образом и с помощью простой операции – все его гипосемы становятся гиперсемами, вторые и третьи ступени полисемической цепи становятся денотативными – мистическое «сердце» съедают, горячую «голову» влюбленного юноши зарывают в горшок. Даже пресловутое любовное единение сердец происходит самым реальным способом – в желудке.

Такие семантические метаморфозы страшны, они гораздо более жестоки, чем метаморфозы Апулея. Гуманистическая концепция переворачивается с ног на голову – рабство в материи, самоуничтожение материи, жестокость и нестерпимый холод Бытия. Материя сворачивается, восстает сама против себя и себя же пожирает на фоне благополучной купеческой жизни, монастырей и флорентийских дворцов. Не правда ли, все это напоминает картины некоего голландского художника, жившего под Хертогенбосом – художника, о котором Лосев не смог не упомянуть, говоря о Дюрере и Грюневальде, но ограничился лишь выпиской (хотя и странной) из альбома репродукций (!) при избытии литературы по данному вопросу [4, с. 457 – 458]. Но вопрос о соотношении Боккаччо и Босха – это уже другая история, а пока последуем за Багаем: «Литература есть зло», и *particulariter ambo*, «Литература Боккаччо есть зло». Какое же это зло? Зло свободы переступания через границу неоплатонического контроля, трансгрессии.

Посмотрим теперь, насколько прочной выглядит та гомогенность, факт присутствия которой между Боккаччо и гуманизмом веками признавался неоспоримой истиной.

Сравним два фрагмента:

1) Уже упоминавшийся рефрен Мирандоллы: «Бог есть все, и в наиболее превосходном и совершенном образе...» [8, р.391].

2) «По-разному называют эту местность, и каждое название ей подходит; одни зовут ее Лабиринтом любви, другие – Очарованным долом, кто – Свинарником Венеры, а кто – Юдолью скорби и вздохов, и еще повсюду, кто так, а кто этак, как кому придется по вкусу» [2, с. 459]. В последнем фрагменте звучит почти дьявольская веселость, некая серьезная шалость освобождения от тех приличий, которые в Декамероне были маркированы словами «Благородные дамы». Гуманистическая концепция разрушается в гипертексте Боккаччо. Платоническая афродизия им жестоко высмеивается. Смысл вписывается в структуру. Структура очерчивает смысл.

ВЫВОДЫ

Можно предположить, что ряды понятий Декамерона, вписывающиеся в серию гипертекста Боккаччо, представляют это серию как приграничную для дискурса раннего Возрождения. Семантика текста показывает очевидно оппозиционное положение Боккаччо к гуманизму *в традиционном понимании этого явления, если оно действительно таково, каким его мыслят традиционно*.

Зададимся вопросом – должен ли представлять компендиум XIV века, авторство которого взял на себя латинист Боккаччо, то единство, которого от него хотел бы ожидать А. Ф. Лосев? Можно задать и симметричный вопрос: хотел ли автор придать своему текстовому пространству единство, хотел ли он провести ту платонико-христианскую идеацию, которая у него так и «не получилась», но «получилась» у Петрарки? На эти вопросы ответить нельзя по причине некорректности их постановки, её несообразности с внутридискурсовыми структурами и правилами обращения дискурса. Вопрос, сообразный с определением автора как субъекта с целым спектром функциональных характеристик, звучал бы так: предполагает ли *серия*, запечатленная в текстах, такое единство? Содержат ли ряды этой серии какие-либо предпосылки для гуманистической идеализации человека в духе Платоновской академии Л. Медичи? И тогда, может быть, станет возможным ответ на вопрос: *почему Боккаччо является автором границы в дискурсивном поле Ренессанса, и почему традиционный гуманизм его не приемлет?*

Источники и литература

1. Боккаччо Дж. «Декамерон». – М.: Правда, 1989.
2. Боккаччо Дж. Малые произведения. – М., 1975
3. Веселовский А. Н. Собрание сочинений. – Т.5. – Пг., 1919.
4. Лосев А. Ф. «Эстетика Возрождения». – М.: Мысль, 1979.
5. Пуришев Б. Лирическая поэзия средних веков. (Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. – М., 1974. – С. 5–28.
6. Фуко М. Что такое автор // Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996.
7. Фуко М. Порядок дискурса.// Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996.
8. Pico della Mirandola G. Opere: De hominis dignitate. Neptalpus. De ente et uno. E scritti vari a cura di E. Garin. – Firenze, 1942.
9. Pomponazzi P. Tractatus de immortalitate animae /A cura di G. Morra. –Bologna, 1954.